

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе¹⁾).

1-го августа. Въ 5 часовъ разсвѣло. Генераль поднялся.

— Теперь поѣдемъ заглянемъ впередъ. Тамъ, южнѣе Саншилуну есть разрушенныя три фанзы на горкѣ, отъ нихъ мы посмотримъ, что дѣлается, а послѣ вернемся.

Только что мы сѣли на коней—впередъ, но еще еле слышно раздалась первая выстрѣлы. Кто то сказалъ въ полъ голоса:

— Начали.

Но всѣ подумали то же самое слово, и никто не отозвался.

Мы проѣзжали Синлунчжуанъ. Красивая на рѣдкость въ этой сторонѣ деревенька. Посерединѣ рѣчка въ широкомъ руслѣ съ небольшими обрывами, съ нависшими плакучими деревьями; за изгибами ея, мѣстами, къ водѣ сбѣгаютъ молодыя роицы; на обѣ стороны поднимаются фанзы, всѣ закутанныя въ зелень. Но, когда вступишь, какимъ разрушеніемъ дышетъ отъ всего, что осталось въ деревушкѣ. Это одинъ изъ тѣхъ злосчастныхъ пунктовъ войны, которые въ теченіи долгаго времени по многу разъ переходятъ изъ однихъ въ другія вражескія руки. Сбитыя крыши, прорѣзанныя бойницами глиняныя стѣны, раскрытыя, какъ раны, безъ рамъ и косяковъ, окна и двери, устѣянная консервными жестянками и патронными коробками улица, гаолянъ, изломанный недавней схваткой, могилы съ крестами, окопы... И кто бы подумалъ! все-таки изъ крайней фанзы выглядываютъ китайцы, переживающіе со своимъ пепелищемъ все, что имъ посылаетъ судьба. И презирать ли ихъ за то, что сегодня, провожая насъ къ югу, они киваютъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 7.

головами и бормочать «шанго», какъ вчера провожали тѣмъ же японцевъ на сѣверь...

Въ 5 ч. 5 минутъ, только что переѣхали рѣчку, примчался первый казакъ съ донесеніемъ: въ 4 ч. 15 м. полковникъ Т. занялъ Саншилипу и ставитъ батарею. Но по времени ясно, что теперь онъ уже продвинулся дальше. Генераль не останавливается. Мы сами проѣзжаемъ Саншилипу, разглядываемъ по сторонамъ дороги окопы, которые вырыли японцы во время своей ночной атаки на Синлунчжуанъ, спускаемся къ югу еще двѣ версты и поднимаемся, наконецъ, на бугоръ у трехъ разрушенныхъ фанзъ. Рядомъ съ фанзами опять японскій окопъ на 6 орудій. Что и говорить—молодцы! Подходили къ опушкѣ Синлунчжуана ровно на версту съ горными пушками,—только мало стрѣляли.

Свѣтаетъ все больше, передъ нами на 6 верстъ раскрывается долина, сплошь заросшая рошцами у деревушекъ и зарослями высокаго гаоляна, съ перегибами и оврагами, издали почти сливающимися въ равнину; по южному краю долины во весь горизонтъ тянется высокій гребень передовыхъ японскихъ позицій; подъ гребнемъ въ четырехъ верстахъ по дорогѣ за зеленью виднѣется деревня Эршилипу, на которую долженъ идти Т.; влѣво верстахъ въ 15 темнѣютъ горы, лѣзущія далеко впередъ за нашу общую линію.

Въ 5 ч. 25 м. изъ за горъ на безоблачномъ небѣ поднимается солнце и скользитъ по зеленымъ полямъ косыми лучами,—но тщетно мы всматриваемся въ бинокли, чтобы увидѣть войска, не такая война! Рѣдко гдѣ промелькнетъ отдѣльный дозоръ, или покажется и юркнетъ въ зелень черная точка—стрѣлокъ, равнина какъ мертвая, и еслибъ не знали мы, что между нами и японскимъ гребнемъ идутъ наши стрѣлки и роты, дерзко затаилась конная батарея и кишмя кишатъ казачьи и конно-охотничьи разъѣзды, и что на каждомъ шагѣ ихъ ждетъ непріятель, никто бы изъ насъ, привыкшихъ къ маневрамъ, не сказалъ, что въ этой долинѣ готовится бой. И такъ же, какъ мы у «трехъ фанзъ», на противоположной сторонѣ на самой видной точкѣ гребня, на курганѣ съ триангуляціоннымъ знакомъ стояли фигурки японцевъ и вглядывались въ долину, чтобы разгадать, что затѣяли русскіе солдаты, начитавшись ихъ прокламацій?

Гдѣ то внизу, между нами и японскими наблюдателями, глухо пробарабанила короткая вспышка перестрѣлки, вѣроятно, столкнувшихся постовъ, и снова затихло.

Отъ полковника Ор—го по большой дорогѣ прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что сѣверная Эршилипу въ трехъ верстахъ южнѣ

нашей остановки, въ 6 ч. утра занята Мценцами и «желѣзными» стрѣлками подъ командой Т. Еще нѣсколько минутъ,—скачетъ новый казакъ: Т. идетъ уже къ южной Эршилипу и начинаетъ перестрѣлку съ постами.

Всѣ вглядываются и прислушиваются съ напряженнымъ вниманіемъ, генераль высматриваетъ съ коня, не скачетъ ли кто съ донесеніемъ, тревожится, оставлены ли маяки по всѣмъ урочищамъ, которыя онъ миновалъ; Н. В. Кур—ій залегъ въ сторонкѣ на развалинѣ и сосредоточенно шарить биноклемъ по японскому гребню, онъ знаетъ, что конная батарея отъ этого гребня меньше, чѣмъ въ трехъ верстахъ, и что, если японцы успѣютъ подвезти свою артилерію, нашей батарее не легко будетъ отойти по дорогѣ. Всѣ наблюдаютъ молча, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными фразами.

Положеніе было такое, что каждую минуту можно было ожидать крупнаго поворота дѣла въ пользу японцевъ. Уже становилось яснымъ, что, несмотря на молодецки быстрое наступленіе Т., продвинушагося за 1½ часа на 4 версты за линію своихъ передовыхъ постовъ, наши разѣзды и цѣпи не успѣли захватить японскіе посты до свѣта, и плѣнныхъ не будетъ; японцы оказались дальше, чѣмъ предполагалось, посты ихъ быстро отпрянули на свои заставы; и не дай Богъ если успѣютъ подойти резервы и пушки—не легко будетъ нашимъ вернуться среди бѣлаго дня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ становились все дороже извѣстія съ фланговъ, которые только и могли обезпечить центральныя колонны отъ серьезныхъ ударовъ, но фланги молчали.

Генераль тревожился, что, выѣхавъ 3 версты къ цѣпямъ 30 верстной развѣдки, онъ самъ грѣшитъ и затрудняетъ доставку донесеній. Позади же въ верстѣ за Синлунчжуаномъ была высота, съ которой отъ самой дороги открывался, какъ на ладони, весь 30-ти верстный фронтъ.

Въ 5 ч. 50 м. мы повернули назадъ.

Въ 6 ч. 25 м. утра, проѣзжая Синлунчжуанъ, генераль посоветовался съ Кур—мъ и послалъ приказаніе полковнику Т. если д. южная Эршилипу уже занята, то выслать впередъ одни разѣзды и держаться въ деревнѣ; если же Эршилипу еще не заняли, то не брать до приказанія. Причиной такого рѣшенія была боязнь зарваться съ центромъ дальше фланговъ и попасть подъ тяжелей ударъ.

Въ ту же минуту, когда казачій офицеръ отъѣзжалъ съ приказаніемъ, изъ за бугра съ «тремя фанзами» донесся глухой ударъ,

за нимъ долгій, немного звенящій гудокъ и второй ударъ еще мягче и глуше.

По звукамъ всё поняли сразу,—это наша конная... на разрывъ по южной Эршилипу!

Эта музыка всё такъ знакома, что офицеры и солдаты, шутя разбираются въ самой мудреной артиллерійской стрѣльбѣ,—только по звукамъ.

Вспомнились и мнѣ тѣ завыванія подь Ляояномъ и на Шахэ, по которымъ проходимъ эту мучительную науку,—и не скажу, чтобъ освѣженіе въ памяти тѣхъ впечатлѣній сладостно отзывалось въ душѣ.

Тотчасъ-же вслѣдъ за открытіемъ огня артилеріи, въ той же сторонѣ усилилась, какъ всегда, и ружейная перестрѣлка. Очевидно, Т. готовился къ штурму деревни.

Въ 6 ч. 45 м. мы вѣхали на высокую гору къ сѣверо-востоку отъ Синлунчжуана у самой дороги, сошли съ коней и расположились подь отдѣльными деревьями на самой вершинѣ. Конвой остался въ лощинѣ на дорогѣ. Съ горы передь нами открывался громадный кругозоръ: виденъ былъ весь японскій гребень, вся долина, по которой, скрытая зеленью, двигались наши колонны; все поле развѣдки передь фронтомъ отряда Орбеліани; влѣво горы Ш—на и І—на; видны были бѣлыя полосы дорогъ, лощины, овраги, деревни, на которыя шли наши отряды; насколько глазъ хваталъ, были видны великолѣпные, богатѣйшіе хлѣба, уже наливающіе зерна; кой гдѣ дымились фанзовыя трубы;—не видно было только войскъ, трудно было заставить себя повѣрить, что внизу идетъ бой, и только наша артилерія то затихая, то снова бросая шрапнели въ деревню и на гребень, намекала на близость кроваваго дѣла. Въ 7 ч. 20 м. къ ней присоединились еще выючные казачьи пулеметы, и откуда то слѣва, тоже глухо и еле слышно, долетѣлъ ихъ мѣрный пачечный трескъ.

На горкѣ было тихо, въ стороны открывался, баюкающій глазъ, какъ Нестеровскіе пейзажи, великолѣпный, мягкій и нѣжный plain aige; генераль и Кр—ій держались такъ увѣренно и спокойно, опасность такъ далека... что офицеры штаба, ординарцы, вѣстовые, конвой,—послѣ безсонной ночи, говорили все меньше, склонялись все ниже и быстро начинали дремать.

Только 3—4 человекъ продолжали настойчиво шарить биноклями и быстро подмѣчали малѣйшіе признаки огня или движеній.

И вдругъ, въ четверть восьмого послышались крики.

— Господа, да гдѣ-же триангуляціонный пунктъ? Куда же дѣвалась башня съ кургана?..

Мы всё направили бинокли на знакомый курганчикъ, — но теперь уже на немъ не было ни пирамиды, ни японскихъ фигурокъ! Какъ убѣдились послѣ, наши догадки оправдались—конная батарея съ 2—3 верстъ сбила пирамидку однимъ изъ первыхъ снарядовъ!

Вскорѣ мы замѣтили и дымокъ надъ крышами фанзъ южной Эршилипу, но еще не знали, что тамъ творится.

Генераль безпокоился, что храбрый Т. зарвется. Они поговорили о чемъ то съ Кр—мъ, потомъ Н. В. отозвалъ меня въ сторону.

— Б. В., вамъ надо будетъ проѣхаться...—Слушаю-сь!

Въ 7 ч. 30 м. Грековъ передалъ мнѣ на словахъ приказаніе Ор—му:

— Передайте пожалуйста полковнику, что, если южная Эршилипу укрѣплена или сильно занята—штурмовать не надо; это будутъ только лишнія потери.

Пусть тогда прикажетъ Т. отходить понемногу назадъ. Развѣзды же пусть двинетъ впередъ еще сколько возможно за гребень—пусть смотрятъ. Отходить не дожидаясь возвращенія развѣздовъ—они отвѣчаютъ сами за себя.

У полковника спросите о положеніи дѣла.

Мы пустились вмѣстѣ съ жандармомъ Каргинымъ хорошей рысью, опять по той же дорогѣ черезъ Синлунчжуанъ, на «три фанзы» и дальше, еще и сами не зная куда,—гдѣ стоитъ Ор—ій.

Въ Синлунчжуанѣ у рѣчки повстрѣчался уже конный охотникъ, безъ сапога, со ступней, перевязанной розовымъ бантомъ; около фанзъ шли вмѣстѣ, оба прихрамывая, стрѣлокъ и Мценецъ... Но что это въ сравненіи съ тѣми картинами, какія приходилось видѣть въ настоящихъ бояхъ!

Сегодня я первый разъ «въ бою»—развѣдкѣ, вмѣстѣ со штабомъ и въ роли штабного, и вижу, что—развѣдка не бой и что штабной офицеръ не въ силахъ представить себѣ того, что творится тамъ—впереди, въ пѣхотныхъ цѣпяхъ.

Мы ѣхали быстро, почти не давая лошадямъ передышки, миновали «три фанзы» и спрашивали у встрѣчавшихся санитаровъ, ѣздовыхъ патронныхъ двуколокъ, у отдѣльныхъ людей и скакавшихъ навстрѣчу казаковъ: гдѣ полковникъ Ор—ій? Гдѣ начальникъ отряда? На первый вопросъ всё отвѣчали мрачнымъ и соннымъ «не

можемъ знать», на второй—показывали въ ту сторону, гдѣ я оставилъ Грекова.

Въ бою солдаты понятія не имѣютъ—кто ими командуетъ,—это обычное явленіе нашей войны.

Выстрѣлы понемногу становились громче, но по звукамъ было понятно, что мы еще не подъ пулями.

Наконецъ, недалеко отъ сѣверной Эншилипу, мы повстрѣчали одинъ взводъ конной батареи; взводъ, подъ командой фейерверкера, отходилъ на сѣверъ. Они уже знали всѣ, что ихъ дивизионеръ—начальникъ отряда на южной опушкѣ деревни.

Въ самой деревнѣ повстрѣчались съ Г. А. З. Онъ скакалъ на сѣверъ и только крикнулъ на лету:

— Раненъ штабсъ-капитанъ Сварика—командующій конной батареей... я ѣду за носилками...

На южной окраинѣ деревни Эршилипу, въ верстѣ отъ другой Эршулипу, передъ которой шелъ бой,—въ воротахъ углового двора стоялъ Ор—ій со своимъ маленькимъ штабомъ. И самъ онъ, эффектный, стройный и блестящій, какъ на маневрахъ, въ перчаткахъ, съ китайскимъ волосянымъ опахаломъ въ рукѣ, и Николай Николаевичъ М.—его начальникъ штаба, неизмѣнно привѣтливо—улыбающійся, и всѣ офицеры,—выглядѣли такъ, что сразу можно было прочитать на лицахъ, что дѣло идетъ хорошо.

Я доложилъ приказаніе.

— Вотъ это прекрасно! Т. рвется непремѣнно на штурмъ, но вѣдь это же совершенно лишнее... Вы знаете общее положеніе?

— Никакъ нѣтъ, но начальникъ отряда меня просилъ у васъ освѣдомиться.

— Т. съ пѣхотой стоитъ въ 400 шагахъ отъ южной Эршилипу и ведетъ перестрѣлку; деревня оказалась укрѣплена на подступахъ засѣлкой, а передъ окопами—волчьими ямами и проволочнымъ загражденіемъ. Наша батарея выѣхала сразу на 400 сажень! Деревня уже зажжена нашими снарядами! Тотъ взводъ батареи, который шелъ съ С. сбиль тріангуляціонный пунктъ—вы видѣли? Теперь и В. и С. уже давно за валомъ!.. Все идетъ превосходно!.. но вѣдь какъ же шли! Что это за молодцы! Что за люди!

— А потери?

— Раненъ Сварика... онъ пошелъ въ цѣль посмотрѣть... и попался; но кажется не очень тяжело—прострѣлена ладонь и правый пахъ.

Нижнихъ чиновъ покуда убито и ранено человѣкъ 10, не больше... Такъ значитъ начинать отходить?

— Такъ точно.

— Николай Николаевичъ, пожалуйста...

Они начали писать приказаніе, я попрощался и поѣхалъ шагомъ назадъ.

Скоро послѣ того какъ мы тронулись назадъ, огонь позади усилился, должно быть японцы замѣтили, что Т. отходить; потомъ стали слышаться снова глухіе выстрѣлы нашихъ пушекъ и еще глуше, издалека, отъ горъ, рѣдкіе орудійные выстрѣлы японцевъ противъ колонны В.

Мы возвращались тихо, чтобы не замучить лошадей, и провели съ полъ версты въ поводу.

По дорогѣ миновали кучку санитаровъ и солдатъ, возившихся падъ раненымъ въ ногу казакомъ той самой выючной пулеметной команды 12 Оренбургскаго полка, которая нѣсколько дней назадъ представлялась въ Маймакаѣ командующему. Это была ихъ первая жертва за боевое крещеніе.

Въ 9 часовъ я вернулся на гору и доложилъ генералу все, что узналъ.

Кр—ій поставилъ точку надъ і и объявилъ, что можно считать все конченнымъ, если только японцы не успѣютъ подвезти артиллерию.

— Повѣрьте мнѣ, что они преслѣдовать не станутъ! Это ужъ я знаю навѣрно!

Чувствовалось, что уже наступаютъ минуты успокоенія. Всѣ довольны успѣхами колоннъ, только бы дали отойти Т—ну.

В. за валомъ и трещить пулеметами, С. за валомъ у разбитаго триангуляціоннаго пункта, Г. еще въ 6 ч. 35 м. утра занялъ д. Вандягоу, держитъ связь съ Орбеліани и грозитъ южной Эршилипу съ юга и съ фланга. Ничего не слышно только отъ І—на.

Грековъ и Кр—ій весело посмѣиваются. Ихъ взаимныя отношенія—это кажется идеалъ отношеній начальника отряда съ начальникомъ штаба. Оба ровные, спокойные, сдержанные; работаютъ честно и просто, безъ малѣйшей афектаціи; обо всемъ совѣщаются, рѣшаютъ все вмѣстѣ и такъ какъ то искренно, что даже трудно уловить, есть ли самый вопросъ—кто кому уступаетъ; донесенія они принимаютъ спокойно, приказанія пишутъ быстро и твердо; кого стоитъ—хвалятъ, кого надо—пробираютъ; оба не знаютъ отдыха, когда надо работать, и оба одинаково отдыхаютъ—когда можно вздохнуть.

— А что, Н. Вл., спрашиваетъ генералъ, теперь можемъ и закупить?

— Уже готово, в. пр., — нашъ милѣйшій хозяинъ знаетъ отлично, что такое «моментъ»!

«Моментъ» въ его шуткахъ любимое слово.

Разстилаютъ скатерть, вокругъ раскладываютъ бурки, штабной чиновникъ «хозяинъ» хлопочетъ и разставляетъ посуду, появляются закуски, холодное жаркое, чай и вино, — и все такъ чисто и аппетитно, что подстать бы и мирнымъ маневрамъ и закуска на охотъ «послѣ облавы».

И мы садимся вокругъ скатерти, чокаемся, закусываемъ, охотнѣй и веселѣй говоримъ и, правду сказать, положила руку на сердце, не чувствуемъ, не слышимъ и не дѣлимъ съ тѣми, кто еще только отходятъ изъ боя, — ни ихъ страданій, ни ихъ утомленія, ни ихъ душевныхъ терзаній. Я отмѣчаю это, потому что самъ былъ въ рядахъ и знаю, какъ тамъ не вѣрять ни въ подвиги, ни въ нѣжныя чувства штабныхъ; но отмѣчаю, побывавши и съ тѣми, и съ другими, безъ упрековъ и злобы, — за что упрекать, въ чемъ обвинять, когда это естественное проявленіе связи двухъ данныхъ: нормальнаго порядка и человѣческой природы.

Притупляются чувства, чужія раны, кровь и смерть все меньше и меньше сжимаютъ сердце, «потерн» становятся холодными цифрами, безъ которыхъ не можетъ обходиться никакое сраженіе, и всѣ штабы-руководители, мало по малу, начинаютъ относиться къ нимъ такъ же безстрастно, какъ къ безкровнымъ маневрамъ, какъ хирургъ относится къ крикамъ и мученіямъ больного, спасая его операцией.

Я заставлялъ себя думать о томъ, что дѣлается теперь у Т., сонявалъ, какъ мы далеки отъ него и хотѣлъ настроить свои мысли иначе. но... чувство безопасности слишкомъ властно, чтобы съ нимъ было подъ силу бороться... Мало кто можетъ честно, безъ рисовки, безъ фарисейства, — сказать, что послѣ боя онъ болѣлъ душою за тѣхъ, кто выбыли изъ строя.

И примиреніе, «штаба» и «строя» — безнадежная утопія, она требуетъ, чтобы люди поднялись выше себя...

Въ 9 ч. 40 м. отъ Ор — го было получено донесеніе, что въ 9 ч., согласно приказанія, Т. началъ отходить.

Съ 10 до 11-ти мы были свидѣтелями совершенно спокойнаго «отхода» отряда. То на полянкѣ, не заросшей хлѣбами, то на пескѣ, на дорогѣ, гдѣ нибудь появлялись и быстро снова пропадали въ гаюлянкѣ, въ оврагахъ и рощицахъ небольшіе разѣзды, отдѣльные люди; потомъ въ Синлучжуанъ, пыля по дорогѣ, стали входить кучки пѣ-

хоты, прикрытыя цѣпями; наконецъ, пѣхота свернулась опять въ колонки и стала приваломъ на сѣверной опушкѣ Синлунчжуана. Японцы молчали, артилерія ихъ не появлялась, и только по прежнему, далеко на лѣвомъ флангѣ, лѣнливо грохала какая то неугомонная батарея.

Въ 11 ч. развѣдка кончилась. Части стали вступать на отдыхъ послѣ 12-ти часовой тяжелой работы.

Но что за отдыхъ, когда завтра же если не сегодня, затѣютъ дѣло японцы, и снова засвищутъ пули...

Въ 10 минутъ 11-го на гору взѣхалъ полковникъ Ор—ій со штабомъ съ рапортомъ объ исполненіи задачи.

Точно, въ назначенный часъ всѣ колонны перешли черезъ линію аванпостовъ; быстро и дружно, поддерживая полную связь, крадучись подъ покровомъ ночи, подошли къ аванпостамъ японцевъ, отгѣснили ихъ, открыли ружейный и пулеметный огонь, и всѣ перешли за грозный валъ, кромѣ колонны Т. Но ей же и большая честь:

— Ваше пр—во, какъ шелъ Т. со своими ротами, — это полный восторгъ, — это выше всякихъ похвалъ. Я только что приѣхалъ изъ Россіи, былъ первый разъ въ бою, наслушался много о паденіи духа, — но я не могъ себѣ никогда представить, чтобы люди такъ шли въ огонь!..

И не одинъ Ор—ій говорилъ въ этотъ день о Т., о Мценцахъ и желѣзныхъ стрѣлкахъ. Рассказывали, что всѣ солдаты шли съ большими вѣтками на фуражкахъ и пропадали въ хлѣбахъ, какъ сверчки. Рассказывали, какъ Т. велъ цѣпи и, не умолкая ни на минуту, шутилъ и тутъ же объяснялъ и училъ солдатъ боевымъ снарядамъ. Какъ лихая батарея съ дерзкой, наглою храбростью вылетѣла на 400 сажень къ деревнѣ и открыла огонь, — вѣдь поставъ непріятель одну батарею на гребень — едва ли наши молодцы могли бы спасти свои пушки.

Была минута въ колоннѣ Т., когда, лежа въ 400 шагахъ передъ окопами японцевъ, онъ получилъ приказаніе отступить и ждалъ, когда откроетъ огонь батарея. Люди слышали, что приказано отступить. Бородачи-запасные, одинъ по одному, потянули сами, за ними, всколыхнулись другіе... И вдругъ во весь ростъ поднимается Тюбукинъ, револьверъ въ рукѣ, глаза разгорѣлись

— Ахъ вы, такіе сакіе! Я командиръ полка, съ вами въ цѣпи, и у меня на глазахъ вы смѣете подниматься раньше, чѣмъ я приказалъ!.. Назадъ, застрѣлю перваго, кто встанетъ! Господа ротные командиры, встать передъ роты!

И цѣпь осталась на мѣстѣ и отстрѣливалась, пока не загремѣла батарея!

Я написалъ это со словъ очевидца—другого героя, уже знакомаго по дневникамъ маленькаго студента Добржинскаго, дѣлавшаго тутъ же въ цѣпи первыя перевязки.

Есть у насъ люди! Есть истинные святые герои!

Мнѣ радость и счастье, что, какъ умѣю, рассказываю о нихъ, чтобъ многіе узнали ихъ честную службу.

Одновременно съ докладомъ О., который и самъ писалъ съ М. донесенія, прижимаясь въ канавку подь пулями,—приходить донесеніе отъ полковника В.; онъ забрался со своими казаками и съ 6 пулеметами въ д. Каобянтунъ на 2 версты за гребнемъ, поставилъ пулеметы на крыши китайскихъ фанзъ, выбилъ японцевъ изъ окоповъ у ст. Шахедза, развернулъ казаковъ лавой, понесся, попалъ подь шрапнели и шимозы, самъ контужень въ голову, но доноситъ своею рукою и держитъ занятое мѣсто пока не прикажутъ. Генераль улыбається, читая и слушая доклады.

— Молодцы! Жаль В. если выйдетъ изъ строя, дорогой человѣкъ!..

И отъ радости мысль переходитъ къ печальному вопросу о потеряхъ.

— Какъ у васъ, полковникъ О., потери извѣстны?

— Убитъ поручикъ Руденко.

И многіе повторили эту фамилію, — она что то значила въ отрядѣ.—Руденко—начальникъ охотничьей команды 16 Стрѣлковаго полка, кавалеръ солдатскаго креста за китайскую кампанію,—одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, «желѣзной бригады», которые завтракали у командующаго, когда отправлялись въ отрядъ. Я помню живо этого скромнаго, симпатичнаго офицера,—онъ обратилъ тогда на себя общее вниманіе, имъ и тогда любовались. Теперь, когда было произнесено его имя,—Грековъ, Кр—ій, Ор—ій, казаки-офицеры всѣ наперерывъ говорили, какая это тяжелая потеря:

— Руденко! Руденко! Нашъ лучшій офицеръ! Сколько храбрости, опыта, признанія долга. Кто же замѣнитъ Руденку въ командѣ!

У М. было съ собой его послѣднее донесеніе «5 ч. 10 м. доношу, что передовые разѣзды вошли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, который открылъ огонь пачками по командѣ. Дозоры продвигаются. Поручикъ Руденко».

Позже (по разсказу Т.) лежа съ охотниками за закрытіемъ, онъ рѣшилъ съ ними броситься на ура къ пулеметамъ, выхватилъ шашку,

поднялся и тутъ же упалъ, убитый на повалъ двумя пулями изъ пулемета въ сонную артерію.

Разсказывали доктора, что когда солдаты его команды, уже на перевязочномъ пунктѣ, возвращаясь изъ боя, увидѣли своего мертваго начальника,—они окружили его, стали на колѣни и рыдали надъ тѣломъ... Видно былъ *офицеръ*...

Кромѣ Руденки, раненъ Сварика,—командующій конной баталеей,—въ цѣпи почти рядомъ съ Т. Оба сидѣли за валикомъ; надо было посмотрѣть въ бинокль на проволочныя загражденія; Т. поднялся только головой съ биноклемъ,—Сварика сталъ въ полный ростъ и подбоченился! Т. предупредилъ его.

— Спрячьтесь! Въ насъ цѣлятся, въ меня не попадутъ, а въ васъ непременно...

И въ ту же минуту Сварика перекувырнулся назадъ: одною пулей насквозь и рука, и бедро!

Храбрость и осторожность одна другой не должны исключать.

Нижнихъ чиновъ по первому подсчету вышло до 20 человекъ.

Былъ и еще одинъ человекъ не далеко отъ бѣды, артиллеристъ заурядъ-прапорщикъ Вольскій,—только вчера произведенный,—ему пули изорвали шаровары, но надъ такими мелочами здѣсь только подшучиваютъ.

Въ четверть двѣнадцатаго мы сѣли на коней и отправились въ Цулюшу.

Ѣхали долго, шагомъ, съ остановками, вслушиваясь въ далекіе пушечные выстрѣлы и боясь, что японцы такъ легко не отпустятъ и сейчасъ же надавятъ опять на наши посты. Но всѣ догонявшіе ординарцы докладывали дружно, что японцы отстали и пострѣливаютъ только все тѣ же дальнія пушки въ горахъ.

По дорогѣ мы нагоняли нашихъ раненыхъ — на носилкахъ, въ паланкинахъ, въ возмутительныхъ санитарныхъ двуколкахъ *казеннаго образца*, и едва ли не лучше всѣхъ чувствовалъ одинъ помятый лошадей охотникъ, котораго, быстро и ловко, несли четыре китайца на носилкахъ, подвязанныхъ какъ люлька къ двумъ эластичнымъ коромысламъ; охотника такъ убаюкало, что, оказалось, онъ спалъ, когда его доставили въ городъ;—не заснулъ бы на двуколкѣ!

Несмотря на усталость и пережитую тревожную ночь—всѣ ѣхали шумно и весело, повсюду слышались рассказы о боѣ, и опять таки, откровенно сказать,—всѣхъ объединяло и радовало сознание своей безопасности, и дума о жертвахъ, даже при встрѣчахъ съ ними,—не туманила сердца.

Передъ въѣздомъ въ городъ у превосходной арки-памятника «вѣрнымъ женамъ» стоящей, по здѣшнему, бокомъ къ дорогѣ, мы всѣ пріостановились, чтобы дать З. сдѣлать снимокъ, и, вѣроятно одинаково, всѣмъ намъ льстила эта будущая картина «возвращеніе съ рекогносцировки».

Въ половинѣ второго мы вернулись домой. Помылись, почистились и сѣли обѣдать. Въ концѣ обѣда подѣхалъ самъ Т., еще взволнованный, охрипшій и рассказывалъ мало о себѣ и много о своихъ лихихъ товарищахъ и солдатахъ.

Послѣ обѣда, съ разрѣшенія генерала, я доложилъ по телефону полковнику Б. общій ходъ и итоги развѣдки и слышалъ въ отвѣтъ, что въ штабѣ будутъ довольны.

Изнеможеніе наше переходило всякую мѣру. Всѣ разбрелись по своимъ угламъ, мы четверо Н. В. К., Н. Н. М. и Г. А. З., завалились на каны и часовъ до 7 крѣпко поспали.

Въ 7-же часовъ въ штабѣ отряда уже начиналась работа: изъ колоннъ и отрядовъ все еще приходили донесенія, казаки привозили пальто, рубашки, палатки, лопаты, сумки, штыки и бумага съ убитыхъ японцевъ; составлялась наскоро первая реляція для представленія въ штабъ арміи; срѣзанныя клейма съ вещей и одежды отсылались «съ двумя крестами» въ развѣдывательное отдѣленіе, чтобы опредѣлить, какія части были на фронтѣ.

Получено первое донесеніе Орбеліани: продвинулся далеко, немного глубже нашего фронта, взялъ въ плѣнъ трехъ японцевъ, но потерялъ двухъ офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ. Тамъ не посчастливилось охотникамъ Брянскаго полка: нарвались въ упоръ на окопъ и потеряли сразу—убитымъ поручика Случевского и 3 солдатъ, ранеными, поручика Чернавина, бывшего стрѣлка Императорской фамилии и 18 солдатъ. Чернавинъ остался передъ окопомъ...

Вечеромъ сошлись еще разъ за ужиномъ, но видно было, что еще не отдохнули, настроенія не было, да и другія причины...

Во время ужина съ улицы ворвалось во дворъ «Коль Славенъ» и пѣніе—уже хоронили солдатъ...

Докторъ рассказываетъ, что у нихъ лежитъ убитый Руденко, тамъ же Сварика... Теперь, когда первая радость возвращенія изъ боя затихла,—эти жертвы вырисовываются въ мысляхъ все яснѣй и начинаютъ будить состраданіе. И думаю, что не я одинъ, ложась спать, подсчитывалъ итоги минувшихъ сутокъ, оцѣнивалъ развѣдку и клалъ на одну чашку вѣсовъ, какъ товаръ, убитыхъ японцевъ,

спятыя клейма, исполненную за колонами съемку, а на другую—золото—четырехъ офицеровъ и человѣкъ 50 солдатъ—убитыхъ и раненыхъ.

Но знаю самъ, что такъ оцѣнивать нельзя. Развѣдка была нужнѣе всего, чтобы поддержать идею продолженія войны, необходимую войнѣ до минуты объявленія мира. Другихъ вѣрныхъ средствъ поддерживать готовность къ бою—быть можетъ и нѣтъ, громкому слову солдаты не вѣрятъ. И какъ ни горько, какъ ни безчеловѣчно, но сознание, что на войнѣ есть даже малыя цѣли, которыхъ надо достигать «*во что бы то ни стало*», обезцѣниваетъ это золото—жизнь.

2-го августа. Въ 7 ч. утра мы распрощались съ безгранично любезными и милыми хозяевами и выѣхали вдвоемъ съ Г. А. З., съ казакомъ и жандармомъ, въ нашъ Маймакай. Генераль, Николай Владиміровичъ и Н. Н. М. насъ провожали до крыльца, и видно было, радовались сами, что гости чувствуютъ ихъ радушіе и добрый чисто товарищескій тонъ ихъ тихого и скромнаго рабочаго штаба. Ыхали назадъ опять тою же красивой дорогой—только въ жаркій день, въ самый невыносимый палящій зной. Я помню, у меня записано, что 10-е іюля можно было принять въ этомъ году за начало періода дождей, затѣмъ 20-е іюля у меня записано, что день простоялъ безъ дождя, и по примѣтамъ китайцевъ—если не будетъ до полночи, то періодъ законченъ. Но дальше я забылъ записать, что предсказаніе китайцевъ сбылось, и дожди какъ оборвало. Такъ что весь іюльскій періодъ продолжался въ нынѣшнее лѣто только 10 дней, съ 10-го по 20-е, а съ 20-го почти неизмѣнно стоятъ жаркіе дни, и сегодня, быть можетъ, намъ такъ показалось, потому что мы скакали съ 7-ми утра до часу пополудни, было тропически жарко.

Дорогой мы купались въ рѣчкѣ, пили чай опять у казаковъ, только на другомъ посту—въ Сыфантаѣ, снова слышали ихъ здравые и честные взгляды на вопросъ о войнѣ или мирѣ и вспоминали пережитые дни въ отрядѣ.

Мы вернулись въ штабъ во время завтрака и представились, когда командующій вернулся во дворикъ кумирни.

— А! Очень радъ васъ обоихъ видѣть! Ну что: благополучно? Я, къ сожалѣнію, не могу васъ просить зайти сейчасъ ко мнѣ, чтобы поговорить обо всемъ, такъ какъ меня ждуть съ докладами генералы,—я попрошу васъ позже. Ну куда отправляйтесь завтракать. Очень радъ, что приѣхали.

Я былъ до того утомленъ, что свалился подъ вечеръ, какъ снопы на кровать и заснулъ какъ убитый, — 120 верстъ въ сѣдлѣ за эти пять дней (по 40 верстъ въ Цулюшу и обратно и 40 въ день рекогносцировки) для меня оказались великолѣпнымъ и неотразимымъ снотворнымъ.

3-го августа. Во время своего утренняго чая меня позвалъ командующій:

— Садитесь и начинайте вашъ интересный рассказъ.

Я доложилъ командующему все, чему былъ свидѣтелемъ 31-го июля и 1-го августа, рассказалъ общій ходъ дѣйствій отряда приблизительно такъ же, какъ уже записалъ въ дневникѣ и особенно подробно остановился на отвѣтѣ на тотъ главный вопросъ, который поставилъ командующій, говоря со мною наканунѣ отъѣзда въ отрядъ — о настроеніи Оренбургскихъ казаковъ.

Командующій слушалъ, почти не перебивая, и далъ мнѣ возможность высказать передъ нимъ мою искреннюю увѣренность въ честной и надежной службѣ всего отряда.

Я видѣлъ, что командующаго радуютъ мои слова, и что онъ относится къ нимъ съ довѣріемъ. Онъ просвѣтлѣлъ, когда я рассказалъ о выѣздѣ и стрѣльбѣ батареи, о поведеніи въ бою Т. и стрѣльбѣ пулеметовъ съ крыши.

Вы меня очень порадовали своимъ рассказомъ. Сердечно васъ благодарю за исполненіе моего порученія и радъ, что вы привезли мнѣ о нихъ добрыя вѣсти — предоставляю вамъ передать въ отрядъ, что я приказываю представить къ наградамъ всѣхъ отличившихся.

Прямо отъ командующаго я отправился къ телефону, вызвалъ М. и передалъ ему все, что говорилъ командующій. По отвѣтамъ его могу догадаться, какъ они всѣ подбодрятся, и самъ истинно радуюсь, что сослужилъ имъ своею поѣздкой доброю службу.

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

